

Лицо
и
Кошка

А. ЩИПЦОВ

16+

Александр Щипцов

Лицо и кошка

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Щипцов А.

Лицо и кошка / А. Щипцов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Иногда, глядя в зеркало, ощущаешь, как душа проникает за амальгаму, позволяя личности отразиться в истинном свете.

- Слушаешь в оригинале, владеешь французским?
- Нет, просто то, что я себе воображаю, нравится больше, чем в переводе. (Беседа посторонних).

* * *

Вечер таил злобу, словно нагноившийся палец занозу. За стеной грохотали соседи, занятые, по всей вероятности, подготовкой ко сну. Скоро муравейник затихнет и в комнате гражданина Кошкина Шрота Адамовича воцарятся тишина и покой. Будучи человеком, привыкшим к окружающей среде, затыкал уши ватой и обитал где-то за гранью доступного. Но, невзирая на предосторожности, разнообразные звуки прорывали ватные преграды, проникая в сознание, одним из которых стал скрип отворяемой двери.

Бросив косой взгляд в данном направлении, Шрот Адамович застал виновницу в состоянии покоя, а вот на её неряшливо крашеной грани, беззастенчиво выделялся силуэт чьей-то тени.

- Галлюцинация, – первая мысль.

Между прочим, это могла бы оказаться и она, жаль, черно-белая, но он и цветной не боялся. Кошкин пощелкал выключателем настольной лампы, но фокус не удался. Тень, что томилась на белом масле двери, не исчезла, зато его собственная куда-то запропастилась. Не веря происходящему, а в это и невозможно верить, он перерыл всю комнату, но обнаружить пропавшую не удалось. Обстановка, сложившаяся в комнате, занималась явным терроризмом личности, и Кошкин соглашался, что диктатура – вещь не выносимая.

Осторожно, чтобы не потревожить, кого бы то ни было, встал на цыпочки и, прервав перемещение электронов по проводам, от розетки к лампе накаливания, покинул оккупированное непрошеной гостьей помещение, в одних уже не синих «семейных» трусах.

Вероятно решив, что отходить от дома не имеет глубокого смысла, устроился на лавке под собственным окном. Затем, собравшись с духом, обратился к отражавшемуся на треснувшем стекле расколотому полнолунию и речь при этом, содержала интонации тронной. Поток бурной тирады, вырывающейся вместе с паром дыхания, оборвала чья-то незаконная оккупация жилплощади, маня рукой из окна, явно приглашая.

– У меня, наверное, не все дома, – проговорил Шрот Адамович поникшим голосом, – противоречу сам себе.

Угрозы, полетевшие в открытую фрамугу, не помогли, а вот упоминание о жалобе в письменной форме, подействовало, синяя пижама с белыми горошинами выпорхнула в окно. Выбирать не приходилось.

– Ночная прогулка, чистый воздух, вот он – самый полезный рацион для бездомных, – причитая, самоуспокаивался Кошкин, отдаляясь от дома.

Померещилось или так и есть на самом деле – за ним следили. Опасения вскоре подтвердились, действительно преследовали, попятая плелась чья-то тень и уж точно не шутки ради.

– Прибегнуть к спасению или сдаться в плен? – мысли вслух создавали путаницу, обволакивали мозг липким страхом.

После нескольких акробатических уловок, Шроту Адамовичу удалось прояснить, тень именно его и принадлежит она ему на вполне законных основаниях. Убедившись, решил заглянуть ей в лицо и спросить, в чем дело, сударыня?

– О, творец грешников, – идея, неведомо откуда взявшаяся, возбудила не только мысли Кошкина, но и самого Кошкина. – Тень же обязана повторять ужимки моего передвижения, так как это в точности соответствует предыдущим результатам, полученным всей жизнью, и оттого не забытым. Тупик, о Боги, нужен тупик, лишь он..., чтобы не сбежала, уж наверняка...

Здесь-то он и возрадовался, топчя её ногами, плюя в лицо, с особым цинизмом и дерзостью, посыпая извращенной словесностью, точно солью огурец, оскорбляя нецензурной бранью. Выбившись из сил, остепенился и взвесил положение на весах правосудия, где лишь пыль вносила ничтожную погрешность.

Так прошло первое свидание, из которого он вынес тяжелую душу и искалеченную любовь. Думаете, в этом заключались его мучения? Ошибаетесь, в этом лишь зарождалось бесконечное счастье. Углубившись в материалистическую философию, становится ясно и понятно, что счастье – наивысшее удовольствие, без которого невозможно стать довольным. Оказывается всё так просто, выходит, идея рождена вместе с нами, как услышали, так сразу и осознали. А жаль-то как, если не поверили.

В дверном проеме стоял, нет, пожалуй, парил, неприличный мужчина в белом колпаке. Неприличие в нём выдавала вопиющая посредственность. Чтобы выглядеть значительнее, белоколпачник выражался с закрытым ртом и тут Кошкин догадался, собеседник – мертвецки пьян. Издаваемые гостем бурлящие звуки, говорили о многом сразу. Эту психологическую атаку завершало то, что за спиной чревоушателя пряталась тень, чьё присутствие выдавал блеск зеленых глаз. Когда клочкотание прекратилось, тень, пронзив гуттаперчевое тело, выдвинулась, и Кошкин растворился в её объятиях несущих покой, равный по силе уколу галоперида. Ничто не изменилось в мире, только звезд, пронзающих небо, стало немногим меньше, если пересчитать.

Повинуясь рефлексу, Кошкин лёг в постель. Вот они тайны бытия, где-то рядом, за дверью в ничто, на которой нет ручки, но это напрасно, ведь никто и не собирался держать её с этой стороны.

Толпы гуманоидов, с человеческими вполне чертами, извивались в ритуальном танце. Сборище напоминало собрание. Как ни странно, но в общей, доходившей до маразма, суматохе, Шрот Адамович себя не находил. Обычно такие погружения не обходились без его присутствия, признаем, сегодняшний кошмар представлял исключение. Изображение вскоре померкло, это хаос, единолично, завладел спящим сознанием. Кошкин решил было этим воспользоваться и отдохнуть, но состояние прилива сил, отменило долгожданную возможность.

Даже не соизволив постучать, видимо из-за отсутствия двери, в палату проник незнакомый старик, над чело прибывшего гостя светился ореол.

– Начинается..., – хотел подумать Кошкин, но передумал, забегали мысли, – меняет головные уборы то белый колпак, то ореол, решил, что не узнаю, да за кого он меня принимает, актеришка-самоучка, циркач самостильный.

– Послушай, – заигрывающе, но, явно что-то не договаривая, обратился к нему неудачник-инкогнито, – я пришел предложить тебе вечность, родство с Богами, согласен?

Сказать честно, то Шроту Адамовичу уютно и в собственной шкуре, надо ли жаждать большего? Однако возможности редко согласованы с желаниями и противостоять столь разрушительной силе, способно разве что одиночество. Тем не менее, Кошкин попросил отсрочку и покинул палату, чтобы проститься с памятью. Он долго бродил по городу, пристально всматривался в знакомые очертания вселенной, и так ему, вдруг, стало жаль терять всё это, что он, вернувшись, едва не смалодушничал отказом. Но, вновь настойчиво озвученный вопрос – согласен ли он? – вернул рассуждения в нужное, хоть и высохшее русло.

– Вот, стаканчик с жидкостью, необходимо выпить для переселения души напрямиком в пантеон богов!

То, что всё так просто, вызвало нескромное сомнение, только Кошкин оказался не в состоянии подобное осмыслить, сон опять отдался разрушительной силе хаоса. Рассудок, на

неопределенный промежуток времени, погрузился во мрак и когда тот внезапно развеялся, Кошкин, не раздумывая, сделал то, что предлагал старик.

Шрота Адамовича окружала толпа аборигенов, среди которых он узнал ночного гостя, но, на этот раз, тот находился с непокрытой головой. Последний, в конвульсиях, последствия ритуальной пляски, валялся у него в ногах, что придавало свежесть манерам его общения. Дикари, мало-помалу, начали рассеиваться, оставив, тем самым, их наедине. Первым желанием Кошкина стало двинуться и задушить кривляку-танцора, но сделать, как первого, так и второго, увы, не сумел.

Тело старика коверкало приступ истерики, он хохотал, эйфория омолаживала вялое лицо, разглаживая морщины. Сквозь истерику, Шрот Адамович различал отдельные слова: Идол... Божество... жертвы... толковый словарь...

Наконец, почтенный старик затих и опустился на колени, смех больше не обнажал остатки гнилых зубов, лицо же приобрело, присущую похоронам, серьезность, – прости, что передал тебе в наследство – вечность. Знай, ты сможешь расстаться с ней лишь тогда, когда отыщешь себе замену, – достал из кармана несколько упаковок аминазина и, проглотив, даже не запивая, отправился в четвертое измерение, и только «прости» какое-то мгновение, всё ещё парило в атмосфере разлуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.